

П. Л. ЛАВРОВ И САЛТЫКОВ

Сообщение Ф. Витязева

I

Люди одной и той же исторической эпохи М. Е. Салтыков и П. Л. Лавров не только не были в близких личных отношениях, но повидимому между ними даже не существовало самого простого знакомства.

Под большим сомнением находится также факт их непосредственной переписки, хотя возможность таковой отнюдь нами не исключается. Уже одно пятнадцатилетнее сотрудничество Лаврова в «Отечественных Записках» невольно наводило на мысль об его письменных сношениях с М. Е. Салтыковым. Это предположение тем более понятно, если учесть исключительную роль Салтыкова в редакции этого журнала.

И тем не менее оказывается, что с редакцией «Отечественных Записок» П. Л. Лавров сносился не через Салтыкова, а главным образом через Г. З. Елисеева, с которым его связывали узы самой тесной дружбы еще с начала 60-х годов. Даже в 80-х годах, когда Г. З. Елисеев уже отошел от фактического участия в редактировании «Отечественных Записок», П. Л. Лавров по старой памяти попрежнему продолжает апеллировать именно к его помощи в тех случаях, когда между ним и «Отечественными Записками» возникают какие-либо недоразумения. Имеющиеся у меня неопубликованные письма Лаврова к Елисееву наглядно свидетельствуют об этом.

Объясняется все это вероятно тем, что Лавров сознательно избегал непосредственных сношений с Салтыковым, боясь его дискредитировать и повредить его «легальному положению» в России. И это тем более понятно, что Лавров, как мы увидим ниже, очень высоко ставил Салтыкова как писателя и великолепно понимал, какую огромную силу представляет он для «Отечественных Записок». Не менее интересен и другой факт. Два члена редакции «Отечественных Записок» — Г. З. Елисеев и М. Е. Салтыков — очень часто ездили за границу и бывали в Париже. И здесь наблюдается резкий контраст в их отношениях к Лаврову. Елисеев почти всегда посещает его лично в Париже, или вступает с ним в переписку. Салтыков, как правило, воздерживается за границей от личных общений с Лавровым и всячески избегает непосредственной переписки.

Из всего сказанного нами можно сделать только один вывод: взаимоотношения этих двух крупнейших деятелей русской журналистики могут быть выяснены и охарактеризованы исключительно на основании одних литературных источников, имеющих пока в нашем распоряжении. К этой задаче мы и приступим.

II

Остановимся сначала на взаимоотношениях Салтыкова с Лавровым. Здесь прежде всего необходимо установить факт довольно отрицательного отношения Салтыкова к Лаврову как писателю. В этом отношении он явно его «не жаловал». Тяжелый язык лавровских статей, нагромождение цитат и ссылок, отвлеченность разрабатываемых им тем, многословие, свойственное Лаврову, — все это несомненно «отталкивало» Салтыкова от Лаврова. Как чуткий журналист и опытный редактор, ставящий на первое место прежде всего интересы редактируемого им журнала, Салтыков прекрасно понимал, что многие статьи Лаврова слишком «тяжелы» и быть может «обременительны» для «Оте-

чественных Записок». «У нас материала много, — пишет например Салтыков в 1869 г. Н. А. Некрасову, — но все материал средний, т. е. самый скучный. Не знаем, как его сбыть. Лавров пудами присылает, [в] каждую книжку по 3½ листа печатаем — и не видать конца»¹. Из этой цитаты видно довольно ясно, что Салтыков как редактор «тяготился» сотрудничеством Лаврова и только вологодская ссылка последнего повидимому являлась для него «смягчающим обстоятельством», в силу которого он не возражал против печатания этих статей. Справедливость здесь требует заметить, что Салтыков в своей оценке лавровских работ был довольно близок к истине. В 1869 г. Лавров напечатал в «Отечественных Записках» следующие свои работы: «Антропологи в Европе и их современное значение» (№ 3, стр. 1—51) и «Цивилизация и дикие племена» (№ 5, стр. 107—169; № 6, стр. 359—414; № 8, стр. 253—311; № 9, стр. 93—128). В литературном наследстве Лаврова обе работы отнюдь не являются основными для характеристики его творчества — в них реферирование явно преобладает над оригинальной мыслью. Что же касается их размеров, то для ежемесячного журнала они были невероятно велики.

Еще интереснее для характеристики отношения Салтыкова к Лаврову его письмо к Михайловскому. «Многоуважаемый Николай Константинович, — пишет он 29 декабря 1878 г., — я желал бы знать ваше мнение о статье «Этюды из истории»... По моему мнению, это собрание общих мест, изложенное без всякой силы и довольно бесцветное. Я не знаю, кому принадлежит статья, знаю только, что доставлена Скабичевским. Статья скучная и не журнальная...»² Письмо это написано Салтыковым по поводу статьи Лаврова «Канун великих переворотов. Этюды из истории XVIII века», напечатанной в «Отечественных Записках» за 1879 г. в № 1³ (стр. 145—190). К сожалению редактор «Писем Салтыкова» Н. В. Яковлев повидимому не знал, что означенная статья принадлежит П. Лаврову, и потому не раскрыл его авторства в комментариях. В силу этого исследователи русской литературы и понятия не имеют, что здесь речь идет о Лаврове.

Для того чтобы в должной мере оценить приведенное нами письмо Салтыкова, необходимо несколько подробнее остановиться на вышеупомянутой работе Лаврова. Она представляет собой лишь «Вступление» к этюдам и содержит в себе две главы: 1) Столетие революций и 2) Понимание истории.

Центром тяжести в этой работе несомненно является вторая ее глава — «Понимание истории», которой и посвящено большинство страниц «Вступления» (34 стр. из 45). Глава эта начинается следующим, не лишненным интереса заявлением Лаврова: «Считаю необходимым для уяснения читателю того, что он может ожидать от этих статей, предпослать самому изложению несколько страниц о том, как автор их смотрит на задачи истории». И далее Лавров дает резюме всех своих взглядов по методологии истории. Это своего рода *credo*¹ Лаврова, содержащее все его излюбленные, можно сказать «сокровенные», идеи по пониманию исторического процесса. Статья эта для характеристики мировоззрения Лаврова несомненно является одной из основных.

Обратимся теперь к письму Салтыкова. Здесь все крайне интересно и характерно. Прежде всего важен тот факт, что Салтыков — главный редактор «Отечественных Записок» — не знал об авторстве Лаврова. Следовательно подтверждается, что сношения Лаврова с «Отечественными Записками» в конце 70-х годов шли помимо Салтыкова. Любопытно также, что Салтыков — один из опытнейших редакторов своей эпохи — «не уловил» и «не ощутил» автора анонимной статьи. А сделать это было крайне легко, так как вся статья является типично лавровской и по языку, а главное по идеям, столь для него характерным. Приходится сделать вывод, что Салтыков был мало знаком с основными идеями Лаврова. Повидимому они его не интересовали и являлись для него чуждыми. Этот вывод подкрепляется самим отзывом Салтыкова о статье Лаврова по существу, которая, по его мнению, представляет собой лишь «собрание общих мест, изложенное без всякой силы и довольно бесцветное», а вся статья в целом «скучная и не журнальная». Все сказанное наглядно

свидетельствует нам, как далек был Салтыков от мировоззрения Лаврова. Ведь не надо забывать, что в данном случае речь шла об основной работе Лаврова, подводящей и тогда всем его теоретическим взглядам в области философии истории.

Мы привели два факта, характеризующих отношение Салтыкова к Лаврову. Один из них относится к 1869 г., другой — к самому концу 1878 г. И оба они резко отрицательны. В этом отношении Салтыков тверд и непоколебим, несмотря на целое десятилетие, которое лежит между ними.

Перейдем теперь к 80-м годам. В эти годы сношения Лаврова с «Отечественными Записками» шли главным образом через доктора Н. А. Белоголового. Последний, как известно, был дружен со всеми членами старой редакции «Отечественных Записок». Но так как в это время Н. А. Некрасова уже не было в живых, а Г. З. Елисеев, в связи с болезнью, отошел в 80-х годах от близкого участия в «Отечественных Записках», то Н. А. Белоголовый в данном случае действовал исключительно через М. Е. Салтыкова. Некоторые следы этого «литературного посредничества» мы и находим в письмах Салтыкова к Белоголовому. Так например, в письме от 20 марта 1882 г. он пишет: «...из числа предлагаемых вами статей, по отзыву Михайловского, самая подходящая будет о книге Тейлора (если можно, не более двух листов) и затем статья о хлопотах, доставляемых науке низшими животными. Что касается до писем о современной философии, то едва ли она будет представлять интерес по чрезмерной своей отвлеченности. При том же это такой бесконечный лес, до конца которого пожалуй и не дойдешь, хотя и предполагается не более 3-х листов»⁴. В письме этом речь идет несомненно о статьях Лаврова. Одна из них под заглавием «Хлопоты науки с низшими организмами» и была затем напечатана в «Отечественных Записках» за 1883 г.⁵ Интересно здесь отметить, что Салтыков в этом письме всячески «открещивается» от теоретических и философских работ Лаврова, находя их слишком «отвлеченными» для «Отечественных Записок». Несомненно, что в основе этой явной предвзятости Салтыкова к философским работам Лаврова лежит его прежнее отрицательное отношение к нему, которое мы уже наблюдали в 60-х и 70-х годах. И далее, зная манеру Лаврова до бесконечности расширять любую взятую им тему, Салтыков определенно не верит, что предлагаемая им статья по современной философии будет «не более 3-х листов». Повидимому в его памяти была еще свежа «история» с печатанием работы Лаврова «Цивилизация и дикие племена», которая в свое время заняла целых четыре книжки «Отечественных Записок» и вызвала тогда с его стороны замечание, что ей «не выдать конца». Именно это обстоятельство и заставляет его считать, что предлагаемая Лавровым статья «бесконечный лес, до конца которого, пожалуй, и не дойдешь». В этой фразе явно сквозит беспокойство, чтобы Лавров не начал присылать материал «пудами», как это было в 1869 г. Наконец в этом письме нужно отметить и еще одно обстоятельство: вопрос о печатании лавровских статей в «Отечественных Записках» в 80-х годах из рук Салтыкова переходит к Михайловскому. Эта решающая роль Михайловского совершенно ясно видна из другого письма Салтыкова Белоголовому. «Статью «Хлопоты с низшими животными (организмами)» редакция получила, — пишет он ему 7 июля того же года, — но так как Михайловский уехал до конца августа в Сухум-Кале, то статья покуда лежит без употребления. И далее Салтыков, по обыкновению, «брюзжит» и «сетует» на ее большие размеры. «Судя по наружному виду, — пишет он, — статья обширная и едва ли можно будет ее напечатать иначе, как в трех книжках»⁶. Последний отголосок лавровского сотрудничества в «Отечественных Записках» встречается еще в письме от 19 июля и касается исключительно материальных расчетов. «Будьте так добры, — пишет Салтыков Белоголовому, — уведомьте меня поскорее, как и куда я должен выслать вам остальные деньги за Лонгфелло, а также вперед за «Низшие организмы»⁷.

Подводя итоги переписки Салтыкова с Белоголовым, мы, во-первых, должны констатировать факт сдержанного отношения Салтыкова к Лаврову в 80-х годах. Во-вторых, сношение его с Лавровым исключительно через посредничество третьего лица — в данном случае через Н. А. Белоголового. В-третьих, неучастие Салтыкова в 80-х

годах в редакционном приеме статей Лаврова в «Отечественные Записки». Все три отмеченных нами момента во многом исключают возможное предположение о непосредственной переписке Салтыкова с Лавровым в 80-х годах.

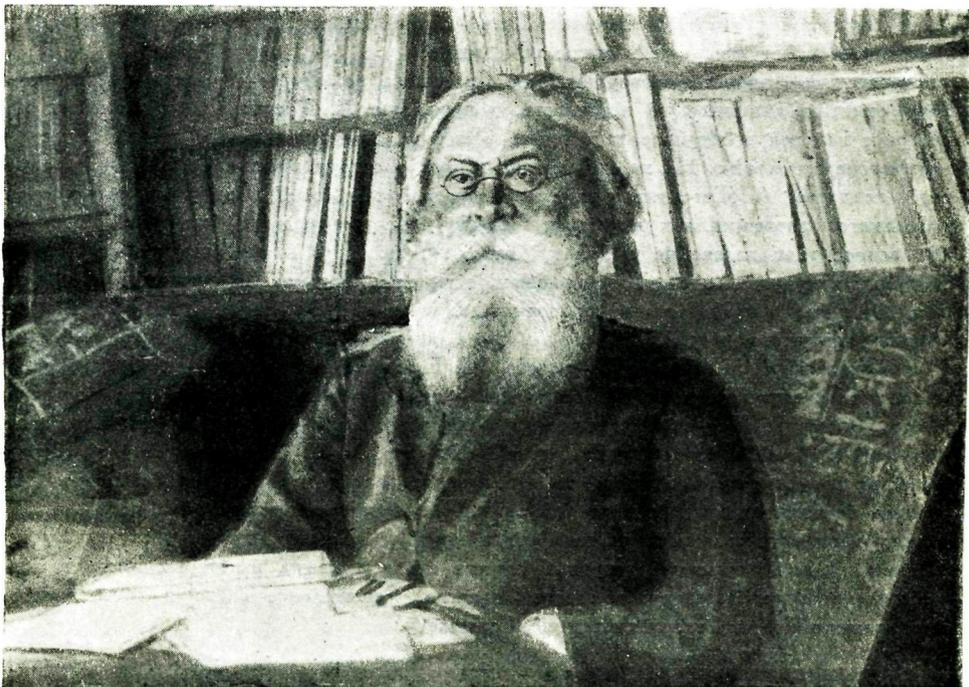
К 80-м годам относится еще один и притом довольно резкий отзыв Салтыкова о Лаврове. Вызван он был смертью И. С. Тургенева. Дело в том, что Лавров сейчас же после кончины Тургенева напечатал в газете Клемансо «Justice» письмо, в котором раскрыл факт финансирования Тургеньевым революционного органа «Вперед» в размере 500 фр. в год. Письмо это, перепечатанное «Московскими Ведомостями»⁸, вызвало в газетах и журналах того времени невероятный шум и полемику. Одна часть либеральной прессы во главе с М. М. Стасюлевичем доказывала, что весь этот факт злобно вымышлен Лавровым, и обвиняла его в сплошной клевете на Тургенева. Другая часть, допуская такой факт, считала, что Лавров обязан был хранить его в тайне, так как он бросает тень на память Тургенева и дает оружие против него всей правой печати. Были такие журналисты, которые высказывали опасение, что письмо Лаврова вызовет запрещение перевезения тела Тургенева в Россию. Правая печать действительно воспользовалась письмом Лаврова для самых наглых инсинуаций по адресу Тургенева. «Московские Ведомости» например посвятили этому инциденту большую передовицу, в которой говорилось, что Тургенев «пятьюстами франков откупался от травы, которая не давала ему покоя в шестидесятых годах и которая сразу прекратилась в семидесятых, когда он решился платить дань печенегам и половцам»; что именно этими франками и были «куплены овадии, которыми эти господа чествовали Тургенева в последние годы его жизни и чествуют теперь, по смерти»⁹.

Отголоском всей этой журнальной «шумихи» и явилось письмо Салтыкова Белоголовому от 16 сентября 1883 г. «Здесь идут приготовления к похоронам Тургенева,— пишет он,— которые однако же будут менее шумны, нежели предполагалось. Тут идет большой шум; ругательства раздаются в изобилии—это против Тургенева, которого на пушкинском празднике сам епископ Амвросий называл чистым голубем. Письмо Лаврова, перепечатанное без комментариев «Московскими Ведомостями», дало этим ругательствам почву. Теперь уже прямо называют Тургенева изменником. Таков результат—только и всего. И по результатам, и по существу это письмо глупое»¹⁰.

Прав ли был Салтыков, вынося столь резкий и суровый приговор письму Лаврова? Можно ли было назвать «по существу» выступление Лаврова «глупым»? Даже учитывая «хроническую» предвзятость Салтыкова к Лаврову, мы все-таки должны сказать, что в данном случае его приговор не только пристрастен, но и глубоко несправедлив. Публикуя свое письмо в «Justice» через Клемансо, с которым Лавров между прочим был в дружеских и близких отношениях, он несомненно исходил только из интересов русского революционного движения. Продемонстрировать публично явное сочувствие и симпатии к русской революции такого крупного писателя, как Тургенев, имеющего к тому же громкое имя в европейской литературе, казалось Лаврову крайне важным и существенным. И это тем более понятно, если учесть реакцию, которая началась в России в 80-х годах с воцарением Александра III. Осуждать Лаврова за это ни в коем случае нельзя, особенно если принять во внимание сдержанный и корректный тон его письма, излагающего только один голый факт финансирования Тургеньевым журнала «Вперед». В одном Салтыков пожалуй был прав. Результаты от опубликования письма Лаврова получились довольно парадоксальные. В самом деле, почти вся прогрессивная журналистика, испуганная тисками и репрессиями надвинувшейся реакции, вдохновляемой Победоносцевым, не только отреклась от Лаврова, но и предала его злейшей «анафеме». Правая же печать во главе с Катковым принуждена была взять его под свою защиту. Если к этому присоединить обвинение той же правой печатью Тургенева в «измене», то станет еще более понятным все то нелепое положение, в котором очутилась тогда русская общественность. И Салтыков имел полное право считать создавшуюся тогда ситуацию «глупой».

Есть еще один вопрос, который требует своего разрешения: как Салтыков относился к подпольной революционной деятельности Лаврова? К сожалению на этот счет

у нас нет подлинных заявлений самого Салтыкова. Имеются лишь некоторые свидетельства современников той эпохи. С этой точки зрения большой интерес представляют воспоминания А. Тверитинова. Правда, они крайне тенденциозны и пристрастны по отношению к Лаврову и нуждаются в критическом сопоставлении с другими литературными источниками. Но несмотря на этот недостаток, воспоминания А. Тверитинова заслуживают самого пристального внимания, так как он один из всех русских мемуаристов дает ответ на интересующий нас вопрос. В своей книжке А. Тверитинов рассказывает о своих встречах с Салтыковым за границей и воспроизводит ряд бесед с ним. Одна из них и коснулась лавровского журнала «Вперед». Приведем это место полностью.

П. Л. ЛАВРОВ
Фотография 1890-х гг.
Из семейного архива П. Л. Лаврова

«С раздражением, — пишет А. Тверитинов, — говорил он также о «Вперед».

— Ужасно бездарный журнал!

— Отчего бы вам, Михаил Евграфович, не принять в нем участия? — робко заметил я.

— Благодарю покорно... На старости лет по Владимирке итти, — выпуча глаза, раздраженно возразил мне М. Е.

— Зачем по Владимирке?... Можно так принимать участие, что никто и знать не будет.

— Редакция «Вперед» — это такие болтуны, что не успеешь еще написать, а весь свет будет о том знать.

Я подозреваю, что это с ним уже тогда случилось. Печатались во «Вперед» письма, очень дельные, о тогдашнем положении вещей в России и подписаны эти письма были буквою С. При каждом письме были приложены опровержения редакции. Мне кажется, что эти письма были Салтыкова»¹¹.

Как ни тенденциозен А. Тверитинов по отношению к Лаврову, но данная беседа нам кажется вполне правдоподобной и заслуживающей всякого доверия. Дело в том, что отрицательное отношение Салтыкова ко «Вперед» находит себе полное подтверждение во всех прежних отзывах Салтыкова о Лаврове, которые уже нами были приведены выше. Это совпадение далеко не случайное и служит лучшим доказательством достоверности приведенной А. Тверитиновым беседы. Как известно, большинство статей в журнале и газете «Вперед» принадлежит лично Лаврову. Здесь полностью было развернуто все его революционное миросозерцание. И оказывается, что все эти многочисленные статьи Лаврова, да и весь его журнал в целом отнюдь не волновали Салтыкова. Напротив, они вызывали в нем только одно «раздражение» против Лаврова. Чем объяснить это, как не отчужденностью Салтыкова от его идей? Очевидно он был слишком далек от них. Как видим, М. Е. Салтыков и здесь остался верен своему отрицательному отношению к П. Л. Лаврову, которое у него сложилось о нем еще в конце 60-х годов.

Остается еще вопрос о сотрудничестве Салтыкова во «Вперед». Здесь прежде всего надо отметить фактическую неточность, допущенную А. Тверитиновым. Никаких писем или заметок в журнале и в газете «Вперед», под которым бы стояла буква С., никогда не было. На первый взгляд вопрос о сотрудничестве Салтыкова во «Вперед», поднятый А. Тверитиновым, сразу отпадает сам собой в виду его резко отрицательного отношения как к самому Лаврову, так и к редактируемому им журналу. Но вопрос этот далеко не так прост, как кажется. Дело в том, что помимо предположения, высказанного А. Тверитиновым, есть еще указание на этот счет и другого лица. Я имею в виду бывшего наборщика «Вперед» М. И. Янцына, который в числе сотрудников этого органа называл мне лично следующих русских писателей: Г. И. Успенского, Н. К. Михайловского, М. Е. Салтыкова и даже Н. И. Зибера. В отношении Успенского этот вопрос можно считать вполне решенным. Его биографы точно установили, что ему принадлежит фельетон «Шила в мешке не утаишь», напечатанный в газете «Вперед» за 1876 г. в № 25 (стр. 3—10)¹². Что же касается сотрудничества во «Вперед» Салтыкова, то этот вопрос до сих пор остается открытым. Оно отнюдь не исключается и вполне возможно, но нуждается в тщательной проверке. Решающую роль здесь может сыграть архив журнала «Вперед», хранящийся в Париже. Возможен здесь также литературный анализ стиля и языка некоторых писем и корреспонденций, напечатанных в газете «Вперед». Решительное слово в этом вопросе принадлежит конечно специалистам по Салтыкову.

III

Совсем в ином свете вырисовываются отношения П. Л. Лаврова к М. Е. Салтыкову. Имеющийся в нашем распоряжении литературный материал с убедительностью показывает нам, что Лавров относил Салтыкова к разряду корифеев русской литературы, что он глубоко понимал мотивы творчества этого писателя и вполне правильно оценивал его огромное общественное значение.

Впервые Лавров упоминает о Салтыкове в 1883 г. в своей известной статье «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма». Давая в ней характеристику 60-х годов, Лавров прежде всего подчеркивает общественное значение «сатиры Щедрина». В этом отношении он ставит ее в один разряд со стихотворениями Некрасова. «Раздирающие душу стихотворения Некрасова, — пишет он, — и все более горькая сатира Щедрина стали единственным верным изображением общественного настроения»¹³. Таким образом мы видим, что для Лаврова произведения Некрасова и Салтыкова являются единственными живыми голосами, характеризующими собой целую эпоху русской общественности, связанную с первыми проблесками грядущей революции. В 1884 г. Лавров опять касается творчества Салтыкова в своей известной работе «И. С. Тургенев и развитие русского общества». В этой статье он особенно подчеркивает, что Тургенев воплощал в своих произведениях типы, известные им главным образом из «культурного слоя», а не из народа. «Поэтому, — пишет Лавров, — ему нельзя поставить в упрек, что он не начертил надлежащим образом

на рождающийся тип кулака, который должен был сделаться столь характерным для русского общества последнего периода, а в Колупаевых и Расторгуевых другого великого современного писателя сделался теперь для читателя вполне знакомым»¹⁴. В приведенной нами цитате прежде всего необходимо отметить общую оценку Салтыкова, данную Лавровым. Он, не колеблясь, относит его к разряду «великих современных писателей». Далее, им здесь определенно подчеркиваются социальные мотивы творчества Салтыкова: процесс дифференциации народной среды и выделение из нее «кулака», характеризующего собой даже «последний период русского общества». Выявляются здесь Лавровым также роль и значение Салтыкова для русского читателя, который главным образом по его произведениям и ознакомился с этим экономическим процессом, начинающим в 80-х годах сказываться все сильнее и сильнее.

Но особенно подробно социальные мотивы в творчестве Салтыкова выявлены Лавровым в его статье «Старые вопросы (учение графа Л. Н. Толстого)», относящейся к 1886 г. Подробно анализируя мировоззрение Толстого, Лавров приходит к выводу, что наш «знаменитый беллетрист» совершенно незнаком с литературой по «рабочему вопросу». Это обстоятельство и дало Лаврову повод напомнить о некоторых произведениях Салтыкова. Место это настолько интересно и характерно, что приведем его здесь полностью. «Мне приходится допустить, — пишет Лавров о Л. Н. Толстом, — что он не только не изучил социологическую литературу, описывающую современные отношения работодателей к рабочим, и специально экономическую литературу, доказывающую неизбежность хронической эксплуатации рабочего класса собственниками, но даже не заглядывал в эту литературу. Но он мог бы, даже не знакомясь с научными трудами по этому предмету, в произведениях своих товарищей-беллетристов, к нравственности которых он относится так жестко, найти поразительные картины этих отношений, которые озарили бы ему новым светом его идиллию сельского труда и его положение о том, что трудом всегда можно прокормиться. Этот материал так велик, что не знаешь даже, на что лучше указать. Беру первое пришедшее на память и находящееся под руками. Беру две недавние побасенки, подписанные одним из самых громких литературных имен, но вовсе уже не революционером и не социалистом. Прочтите о «Неумытном Трезоре», который так ревностно служил купцу Воротилову и был с таким сожалением осужден им на утопление, как только нашелся ему взамену Арапка. Прочтите из другой «басни» о труде «Коняги». Приведа далее несколько ярких цитат из сказки «Коняга», Лавров сопоставляет творчество этих двух писателей. «Из этих басен, — пишет он, — читатель почерпнет более истинного материала для «смысла жизни», чем из фантастических идиллий мужицкого быта и из не менее фантастических теорий отношения труда к капиталу, которые встречаются в богословско-поучительном трактате графа Л. Н. Толстого»¹⁵. В приведенных нами цитатах наиболее ярко и полно отразилось отношение Лаврова к Салтыкову. Здесь все заслуживает к себе самого пристального внимания. Прежде всего необходимо особо отметить то обстоятельство, что первое, пришедшее Лаврову «на память» в связи с учением Толстого, это были произведения Салтыкова и то, что они оказались у него «под руками». Это определенно указывает на то, что Лавров не только внимательно читал Салтыкова, не только следил за его последними вещами, разбросанными в то время в разных газетах и журналах, но даже собирал и хранил их. А то обстоятельство, что Лавров невольно «вспомнил» о Салтыкове и сразу выделил именно его произведения из огромной массы русской беллетристики как «лучшие», ясно указывает на то, что для него Салтыков являлся одним из любимых писателей. Не менее интересно здесь и то, что Лавров относит Салтыкова к плеяде «самых громких имен» в русской литературе. Любопытно также, что Лавров не считает Салтыкова «революционером» или «социалистом». Впрочем эта характеристика на страницах подпольного органа могла быть сделана Лавровым со специальной целью, дабы не повредить «легальному положению» Салтыкова в России. Лавров например в приведенных нами цитатах даже не называет имени самого Салтыкова, а ограничивается только указанием на его произведения. Но самое важное в отзыве Лаврова — это оценка социальных замыслов и идей, которыми проникнуты

произведения Салтыкова. В этом отношении Лавров, не колеблясь, ставит произведения Салтыкова на один уровень с «социологической» и даже «специально-экономической» литературой по рабочему вопросу, считая, что они дают «поразительные картины» из области отношений труда и капитала. Именно эти «социальные мотивы» творчества Салтыкова, в которых иной раз так ярко и выпукло отражались классовые антагонизмы современного нам общества, и заставляли Лаврова ставить его простые «басни» выше философских «трактатов» Толстого. Это явное предпочтение, которое в данном случае оказывает Лавров Салтыкову в сравнении с Толстым, наглядно свидетельствует нам о том, как глубоко понимал и правильно оценивал он творчество нашего великого сатирика. Не надо забывать, что именно этот характер произведений Салтыкова неизменно «притягивал» к нему таких читателей, какими были К. Маркс и В. И. Ленин. Таким образом мы видим, что у Лаврова тот же критерий для оценки салтыковского творчества, что у двух крупнейших читателей нашей эпохи.

Перейдем теперь к следующему десятилетию—к 90-м годам. Отношение Лаврова и Салтыкову и в эти годы остается неизменным. Об этом свидетельствует целый ряд его собственных заявлений. В 1891 г. Лавров например выпустил в Женеве вторым изданием свои знаменитые «Исторические письма». Этому изданию он предпослал крайне интересное предисловие полумемуарного характера, начинающееся с характеристики той далекой эпохи, когда вышло первое издание его книги¹⁶. И в первых строках этого предисловия мы сразу же встречаем имя Салтыкова. «Тогда была еще свежа,— пишет в нем Лавров,— проповедь Чернышевского и Герцена. Все шире и шире сатира Щедрина захватывала область «непозабывших еще слов»¹⁷. Мы видим, что здесь Лавров ставит Салтыкова и по значению, и по влиянию в один ряд с Герценом и Чернышевским. Он даже не мыслит себе характеристику этой эпохи без упоминания той огромной роли, которую сыграла в ней «сатира Щедрина». Это общественное значение сатиры Салтыкова еще сильнее подчеркнуто Лавровым в его речи, сказанной им в Париже 2 июня 1891 г. и озаглавленной им «Последовательные поколения». Речь эта была посвящена памяти Г. З. Елисеева и Н. В. Шелгунова. «После Тургенева и Достоевского,— говорил в ней Лавров,— Россия похоронила двух самых сильных деятелей своей мысли: того «Щедрина», с которым и в сатирах которого все мыслящее в России переживало надежды и разочарования, возмущения совести в перипетии борьбы последних трех десятилетий, того Чернышевского, который для нынешнего поколения был уже полумифическим героем предыдущего периода»¹⁸. Здесь опять Лавров ставит Салтыкова рядом с Чернышевским. И это сопоставление продиктовано не только одним моментом их смерти, а исключительно тем мощным влиянием, какое они оба имели на своих современников. В этом отношении Лавров относит Салтыкова не только к «самым сильным деятелям русской мысли», но даже связывает его имя со всеми теми «муками совести», «разочарованиями», «надеждами», какие переживала русская интеллигенция на протяжении целых тридцати лет своей жизни. «Эпохальность» салтыковского творчества подчеркнута здесь Лавровым с особой силой и яркостью. Надо вообще заметить, что в 90-х годах Лавров в своих речах и статьях довольно часто вспоминает имя Салтыкова. Иной раз ему приходилось это делать с большой горечью в душе. Так например, характеризуя реакцию, которая наступила в начале 90-х годов в русской литературе, Лавров вынужден был констатировать, что в ней «похоронены» лучшие традиции и «слова», завещанные ей Салтыковым и другими деятелями прежних поколений. «Вместе с останками Салтыкова и Чернышевского, Елисеева и Шелгунова,— пишет он например в 1891 г.,— русская литература похоронила и «забытые слова» этих чуть ли не последних представителей идейной борьбы»¹⁹. В другой речи, сказанной в том же году русским студентам в Париже по поводу 50-летия со дня смерти М. Ю. Лермонтова, Лавров в заключение ее считает своим долгом выразить твердую уверенность, что молодежь 90-х годов «сумеет припомнить «забытые слова» Щедрина»²⁰. Это напоминание русской молодежи о Салтыкове лишней раз подтверждает нам, какое огромное революционизирующее влияние за его произведениями признавал Лавров.

Но самые интересные замечания о творчестве Салтыкова мы находим в основной работе Лаврова — «Опыт истории мысли нового времени», вышедшей в 1894 г. В одной из глав этого огромного труда Лавров подробно анализирует понятие «эстетической правды». Одним из проявлений этой правды он считает между прочим образы Макбета и Иудушки Головлева. «Она (т. е. «эстетическая правда»), — пишет он, — выставила перед русским читателем и конкретный образ Иудушки Головлева, в котором отразились характеристические черты результата длинной патологической истории русского общества с его экономическим рабством и политическим лакейством, деморализовавшим и отдельные личности, и семьи, и целые общественные классы»²¹. Необходимо здесь особо отметить, что Лавров для иллюстрации своей мысли пользуется героями только двух писателей — Шекспира и Салтыкова. У первого он взял Макбета, у второго — Иудушку Головлева. Все это очень характерно и заставляет нас сделать ряд крайне интересных выводов. Во-первых, Лавров в своем «Опыте» всегда старался для литературных примеров брать наиболее классические образцы. И то, что он в данном случае из всех русских классиков выбрал именно Салтыкова, определенно говорит о его душевной склонности к этому писателю. С другой стороны, и Шекспир здесь фигурирует также далеко не случайно. Как известно, это — один из самых любимых писателей Лаврова. И если Лавров рядом с ним поставил Салтыкова, то несомненно в этом акте, быть может даже невольно, сказалась его любовь к нашему великому сатирику. В pendant к только что сказанному здесь надо еще заметить, что Лавров довольно часто для иллюстрации своей мысли ссылается на произведения Салтыкова, при чем, как правило, все они всегда стоят у него рядом с самыми классическими и общепризнанными образцами или литературы или искусства. Так например, в статье «Русский турист 40-х годов»²² «Губернские очерки» для характеристики русской провинции дополняют собой «Записки охотника». В статье «Шекспир в наше время»²³ «История одного города» стоит рядом со статуями Антолскогого, картинами Крамского и романами Толстого. Все это лишний раз подчеркивает не только известное «тяготение» Лаврова к Салтыкову, но и крайне высокую оценку его произведений. Помимо всего сказанного крайне любопытно еще остановиться на социальной значимости самого типа Иудушки Головлева, каким его рисует нам Лавров. Классовая точка зрения с учетом социальных факторов очень ярко и выпукло выступает в приведенной нами цитате и совершенно правильно характеризует собой не только этот образ, но и ту общественную атмосферу, в которой он родился.

Есть еще один момент во взаимоотношениях Лаврова с Салтыковым, на котором необходимо несколько остановиться. Мы имеем в виду влияние Салтыкова на Лаврова, особенно сильно сказавшееся на языке последнего. Целый ряд «крылатых» и «метких» словечек, которыми Салтыков зафиксировал безобразнейшие явления русской дореволюционной жизни или нарождающиеся общественно-классовые сдвиги, вошел в язык Лаврова. Таково например слово «ташкентцы», которым Лавров особенно широко пользовался на страницах подпольно-революционного журнала «Вперед» (см. «Вперед», т. I, Цюрих, 1873 г., стр. 2, 33 и т. III, Лондон, 1874 г., стр. 287). Таково еще слово «чумазый», которое Лавров ввел в свою речь, характеризуя Россию конца 70-х годов (см. П. Л. Лавров. «Народники — пропагандисты», 1925 г., стр. 32. Женевское издание вышло в 1895—1896 гг.).

В том же «Опыте» Лавров устанавливает два типа художников слова. Для одних общественная жизнь есть лишь фон, на котором они выявляют индивидуальные черты созданных ими героев. Для других зарисованные ими типы являются лишь проявлением общественного конфликта. К первой группе писателей Лавров относит Тургенева, Флобера и Джорджа Эллиота, ко второй — Вальтера Скотта, Бальзака, Диккенса, Теккерея, Золя, Шпильгагена, Толстого и наконец Салтыкова. «Эта сторона эстетического творчества, — пишет затем Лавров, — всего естественнее проявляется в форме повествовательной, но у некоторых исключительных личностей она находит себе выражение в ряде лирических произведений или в публицистической сатире: именно потому цикл стихотворений Некрасова и сатира Салтыкова представляют не столько отражение ряда личных настроений этих писателей, сколько последовательный

ряд аффектов, которые переживало в их эпоху русское общество в своих наиболее живых и впечатлительных представителях»²⁴. Эта цитата объясняет нам наконец, почему Лавров всегда считал Салтыкова и Некрасова «лучшими» и чуть ли не «единственными» выразителями своей эпохи. С другой стороны, мы видим, что Лавров здесь особо выделяет «публицистическую сатиру» как крайне редкую и наиболее трудно выполнимую литературную задачу, доступную лишь для «исключительных личностей». Учтя это, нам станет теперь понятным, почему Лавров так высоко ценил Салтыкова и всегда ставил его в самые первые ряды русской литературы. Этой цитатой, в которой Лавров как бы подводит итог своему отношению к Салтыкову, мы и закончим наш обзор. В заключение нам остается отметить еще участие Лаврова на собрании русских эмигрантов, посвященном памяти Салтыкова, которое состоялось в Париже 25/13 мая 1889 г. в Café Voltaire²⁵. Лавров не только председательствовал на этом собрании, но и произнес речь, посвященную памяти великого сатирика. К сожалению, насколько нам известно, речь эта Лавровым нигде не была напечатана. Самый же факт участия Лаврова на траурном собрании и его выступление на нем служат лишь наглядным доказательством того, как глубоко ценил и любил он этого писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Евгенийев-Максимов, В., Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков.— «Печать и революция» 1927, кн. IV, стр. 58—59. Курсив как в этой цитате, так и во всех последующих везде мой.—Ф. В.
- ² М. Е. Салтыков-Щедрин. «Письма 1845—1889 гг.» Под редакцией Н. В. Яковлева. ГИЗ, Л., 1924/25 г., стр. 173.
- ³ См. также «Собрание сочинений П. Л. Лаврова». Изд. «Революционная Мысль», IV серия, вып. I, П., 1918, стр. 123—171.
- ⁴ Розенберг, В., Журналисты безвременья. М., 1917, стр. 82—83.
- ⁵ См. № 4, стр. 363—396; № 5, стр. 309—340; № 6, стр. 409—438; № 7, стр. 131—152 и № 8, стр. 329—348. Подписаны они только одной буквой—Н.
- ⁶ Розенберг, В. Журналисты безвременья, стр. 89.
- ⁷ Ibidem, стр. 91. Статья П. Лаврова «Г. У. Лонгфелло» под псевдонимом П. Крюков была напечатана в «Отечественных Записках» за 1882 г., в № 7, стр. 57—80.
- ⁸ «Московские Ведомости» 1883 г., № 251 от 10 сентября, стр. 2. Письмо это редакцией было напечатано на самом видном месте—сейчас же вслед за передовицей.
- ⁹ «Московские Вед.» 1883 г., № 261 от 20 сентября. Передовица от 19 сентября.
- ¹⁰ Из переписки М. Е. Салтыкова с Н. А. Белоголовым см. «Дело». Сборник литературно-научный, изданный для усиления средств СПб. Женского Медицинского института. М., 1899, стр. 122—123.
- ¹¹ Тверитинов, А., Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Издание М. В. Пирожкова. СПб., 1906, стр. 89.
- ¹² Чехихин-Ветринский, В., Г. И. Успенский. Изд. «Федерация». М., 1929, стр. 118 и 364.
- ¹³ Календарь «Народный Воли», Женева, 1883, стр. 97.
- ¹⁴ «Вестник Народной Воли», Женева, 1884, № 2, стр. 85.
- ¹⁵ «Вестник Народной Воли», Женева, 1886, № 5, стр. 174—176.
- ¹⁶ «Исторические письма» П. Миртова отдельным изданием вышли в сентябре 1870 г. Первоначально они печатались в газете «Неделя» в 1868—1869 гг.
- ¹⁷ Лавров, П. Л. «Исторические письма». 3-е издание, без перемен. М. П. Негрескул. СПб., 1906, стр. 369.
- ¹⁸ Лавров, П. Л. «Последовательные поколения». Женева, 1892, стр. 3.
- ¹⁹ Лавров, П. Л. «Исторические письма». 3-е издание. СПб., 1906, стр. 370—371. Предисловие ко 2-му парижскому изданию.
- ²⁰ Лавров, П. Л. «Из рукописей девяностых годов». Женева, 1899, стр. 24.
- ²¹ Лавров, П. Л. «Опыт истории мысли нового времени», т. I. Вольная русская типография. Женева, 1894, стр. 1066.
- ²² «Дело» 1877 г., № 8, стр. 35.
- ²³ Лавров, П. Л. «Этюды о западной литературе». Издание «Колоса». П., 1923, стр. 185; или «Устой» за 1882 г., № 9—10.
- ²⁴ Лавров, П. Л. «Опыт истории мысли нового времени», Женева, 1894, стр. 1093.
- ²⁵ «П. Л. Лавров о себе самом».— «Вестник Европы» 1910, № 10, стр. 108.
- ²⁶ Глухая заметка об этом имеется в № 137 «Русских Ведомостей» 1889 г. (см. ее на стр. 228 настоящей книги).